Марія Вега

Полынь

МАРІЯ ВЕГА

ПОЛЫНЬ

●●

Въ заботахъ каждаго дня
Живу, а душа подъ спудомъ,
Какимъ то пламеннымъ чудомъ
Живетъ помимо меня.

И часто, спѣша къ трамваю,
Иль надъ книгой лицо склоня,
Я слышу ропотъ огня
И глаза закрываю.

(Ходасевичъ).

Пятьдесятъ экземпляровъ настоящей книги отпечатаны на бумагѣ Alfa Mousse и пронумерованы от 1 до 50.

МАРІЯ

Ахъ Марія, какъ ты, Горькая, горька.
Что за имя подарили намъ вѣка.
Отъ Распятья, эшафота, отъ пустынь,
Подползаетъ, разстилается полынь.
Въ день крестинъ, стуча крыломъ въ иконостасъ,
Молятъ ангелы хранители за насъ:
— Мы вѣдь бывшія Маріи, Богъ-Господь;
Больно вспомнить намъ измученную плоть. —
Но горька вода купельная тоской,
Значитъ надо, что бы жизнь была такой.

Вотъ моя трава.
Я не щитъ, не льва,
Не орла, не серпъ
Заношу въ мой гербъ:
Изъ глухихъ пустынь
Приползла полынь
И цвѣтетъ гербомъ
Надъ печальнымъ лбомъ.
Но когда взалкалъ,
Никогда бокалъ
Не бываетъ пустъ
Для горчайшихъ устъ.
Слаще медъ стократъ
Для того, кто радъ
Хоть на мигъ спастись
Отъ полыни — ввысь.

1933.

Что вы любите на свѣтѣ?
Мать? Богатство? Жениха?
Нѣтъ. Въ сегодняшнемъ сонетѣ
Два стиха.

Для кого же эти строки?
Кѣмъ онѣ вдохновлены?
Такъ... Скользила по осокѣ
Тѣнь сосны.

Умеревъ, изъ вашихъ пѣсенъ
Что оставите въ вѣкахъ?
Что въ вѣкахъ оставлю? — Плѣсень,
Пыль и прахъ.

1933.

*
**

Улиточка, улиточка,
Бродячая кибиточка,
Не ты ли мнѣ сестра?
Туманомъ дни окутаны,
И всѣ дороги спутаны
Пройденныя вчера.
Улиточка, улиточка,
Едва замѣтна ниточка —
Твой слѣдъ въ травѣ густой.
Чуть солнце заалѣется,
И вѣтромъ слѣдъ развѣется,
И скажетъ смерть: Постой.
И на землѣ не вспомнится
Улиточка паломница
Съ котомкой на спинѣ, —
Моя душа безродная,
Ступенька переходная
Въ Твоемъ, о Боже, днѣ!

1929.

Отчего огонь дрожитъ,
И струится, и бѣжитъ,
Быстрой дрожью грѣя тьму?
Или холодно ему?
Столько надо свѣта дать,
Столькихъ въ мірѣ согрѣвать,
Что уходитъ все тепло
Въ торопливое крыло.
Правъ огонь или не правъ,
Если все другимъ раздавъ,
Допылавъ, поникнетъ онъ
Въ уголь, въ пепелъ, въ вѣчный сонъ,
До конца пребывъ огнемъ
Въ смертномъ холодѣ своемъ?

1933.

Подслѣповатое окно,
Да комната въ четыре метра —
Вотъ жизнь моя. И я давно
Забыла шумъ лѣсного вѣтра.

Оборванъ день мой, искалѣченъ
Какъ недоконченный разсказъ.
Но почему въ немъ каждый часъ
Такою музыкой отмѣченъ?

1930.

МУЗА ПОСЛѢДНЯГО ЧАСА

Она одна придетъ навѣрное
Въ холодномъ сумракѣ разлуки,
И мнѣ на грудь положитъ вѣрныя,
Неизмѣняющія руки.

Я буду тихой и оставленной,
Смотрѣть въ туманное оконце
На западъ въ золотѣ расплавленный
И на малиновое солнце.

Какъ древній образъ въ темныхъ трещинахъ
Мое лицо застынетъ скоро,
Но подождетъ шаговъ обѣщанныхъ
По шаткимъ доскамъ корридора.

И сосчитавъ ступени лѣстницы
Къ чертѣ дверей моихъ забытыхъ,
Она войдетъ въ плащѣ кудесницы,
Въ сіяньи глазъ полузакрытыхъ.

Не ей ли быть моей сидѣлкою,
Склоняясь бережно къ кровати,
Когда часы безмолвной стрѣлкою
Укажутъ смерть на циферблатѣ?

И я, вступивъ на путь таинственный,
Гдѣ вѣтеръ бездны гаситъ счастье,
Приму изъ блѣдныхъ рукъ Единственной
Стиха послѣдняго причастье.

1929.

⁂

У меня, на днѣ шкатулочки,
Камень съ солнечнаго берега;
Онъ зеленый, съ бѣлой крапинкой,
Съ чуть замѣтною царапинкой.

У другихъ — ларцы съ запястьями
И съ прабабкиными кольцами,
Рядомъ съ тайнами сердечными
Да цвѣтами подвѣнечными.

У меня же — только камушекъ.
Онъ пропитанъ солью горькою,
Дождь звенѣлъ надъ нимъ стеклярусомъ,
Шелестѣлъ, играя парусомъ,
Говорилъ о дальнихъ странствіяхъ,
О русалкахъ въ черномъ жемчугѣ,
И на камнѣ море синее
День и ночь чертило линіи.

Сталъ онъ пестрый и причудливый,
Какъ вода на солнцѣ свѣтится.
Стоитъ въ сумеркахъ прислушаться —
Слышно — гдѣ то волны рушатся...

У меня, на днѣ шкатулочки,
Не смарагды, не карбункулы:
Только камень съ бѣлой крапинкой,
Съ чуть замѣтною царапинкой.

1928.

⁂

О эта женщина
Такая же какъ всѣ:
Ротъ полумѣсяцемъ,
И невеселый смѣхъ,
И смутныхъ крыльевъ проблески,
Но внизъ влекущій страхъ,
И вѣчно поиски
Впотьмахъ, впотьмахъ.

Мнѣ этой женщиной
(Она какъ дымъ прошла),
Не жемчуга завѣщаны,
А только два крыла.
Сказала: Вспыхни заревомъ,
Птенецъ мой, полетѣвъ!

Летѣть заставила,
Сама — сгорѣвъ.

1933.

*
**

Я больше ничего отъ встрѣчи не ищу,
И стала цѣль моя давно невѣроятной.
Охотникъ райскихъ птицъ, я уроню пращу,
И птицы полетятъ надъ тишиной закатной.

Ни къ свѣтлымъ волосамъ, ни къ звѣздному плащу
Я рукъ не протяну въ хвалѣ тысячекратной,
Но только помолюсь и горестно прощу
Пустынные глаза и голосъ невозвратный.

И если ты ушла безъ ласковаго слова,
И сбросила меня безбольно и сурово,
Какъ лишнюю слезу съ подкрашенныхъ рѣсницъ, —

То дай мнѣ у конца твоей чужой дороги
Поклономъ проводить къ воротамъ вѣчнымъ дроги,
И знать гдѣ ты лежишь, чтобы склониться ницъ.

1931.

ПРОВОДА

Провода, о чемъ поете,
И какіе вдаль несете
Крики боли, счастья, мести?
Провода гудятъ всѣ вмѣстѣ:
За верстой летитъ верста,
Міръ какъ птица пролетаетъ,
И отъ каждаго поста
Телеграфный столбъ взываетъ:

Вѣсть идетъ! Кому?.. Куда?..
Чу, не спите, провода.

Кто и гдѣ, не все равно ли?
Раненъ воинъ въ темномъ полѣ,
Шхуну въ льдахъ затерла вьюга,
Ищетъ другъ по свѣту друга,
Или чья нибудь рука
Словомъ ласковымъ сверкнула,
И отъ скорбнаго виска
Отвести успѣетъ дуло, —

Вѣсть идетъ! Кому?.. Куда?..
Чу, не спите, провода.

Мы не спимъ, мы не устали.
Въ каждомъ нервѣ чуткой стали
Рвется, бьется птицей плѣнной
Телеграфный пульсъ вселенной.

И на стражѣ у судьбы,
Въ блескѣ зорь, въ дождѣ, во мракѣ,
Часовые словъ, — столбы, —
Напряженно ловятъ знаки.

Вѣсть идетъ! Кому?... Куда?...
Пойте, пойте, провода!

1933.

*
* *

Мнѣ хочется молить кого то сквозь вѣка,
Сквозь солнце дальнихъ дней, когда меня не
будетъ.

Вѣдь черезъ триста лѣтъ, попрежнему легка,
Весна прильнетъ къ окну, и сонный домъ
разбудитъ,
И бѣлокурый лучъ заглянетъ въ груды книгъ,
Старинные листы позолотивъ апрѣлемъ...
О черезъ триста лѣтъ, — я вижу этотъ мигъ, —
Въ шкафу мои стихи съ ихъ горечью и хмелемъ.
Кто будетъ ихъ читать, пусть слышитъ голосъ мой,
Пусть волею мечты онъ разрѣшитъ задачу,
И мертвая давно, я сдѣлаюсь живой,
Такою какъ сейчасъ, когда пишу и плачу.
Пусть въ музыкѣ стиховъ, гдѣ снѣга и огня
Высокіе тона поютъ какъ въ небѣ птицы,
Отыщетъ онъ не ритмъ, не звуки, а меня,
И молодость мою, и темныя рѣсницы.
Пусть я войду на мигъ весною въ чей то домъ
И улыбнусь въ окно потерянной отчизнѣ...

Вѣдь я сейчасъ живу какъ будутъ жить потомъ,
И слышу четкій пульсъ моей поющей жизни.

1928.

МЕДВѢДЬ СЕРАФИМА

1.

Клубится лѣсъ въ весеннемъ дымѣ,
Звенитъ капель, синѣетъ таль.
Помилуй, отче Серафиме,
Мою звѣриную печаль.
И я, какъ ты, изъ сѣрой персти
Рожденъ для смерти въ ночь весны;
Я тоже старъ, и въ бурой шерсти
Бѣлѣютъ клочья сѣдины.
Въ твоей лачугѣ радость Божья,
Ты сгорбленъ, благостенъ и сѣдъ,
Въ разливахъ рѣкъ и въ бездорожьи
Твоихъ лаптей затерянъ слѣдъ.
Позволь мнѣ тихо передъ входомъ
На снѣгъ растаявшій прилечь,
Ходить въ іюньскій день за медомъ,
Тебя баюкать и стеречь?
Плыветъ въ лѣсу смолистый запахъ,
И капли падаютъ шурша...
Возьми меня. Въ простертыхъ лапахъ —
Моя звѣриная душа.

2.

Я люблю Серафима изъ Сарова,
Лѣсного, клобушнаго, стараго,
Съ медвѣдемъ въ глухомъ оврагѣ,
Гдѣ ветхая хижина кроется,

А въ грозу Пресвятая Троица
Летитъ въ громовой колымагѣ.
Какъ свѣча онъ теплился въ келейкѣ,
А кругомъ шелестѣли въ ельникѣ
Бѣсенята, жуки, уродцы,
И звѣреныши надъ дорожками
Шушукались двигая рожками:
Попьемъ изъ святого колодца?
Медвѣдь ихъ няньчилъ, укачивалъ:
Помолитесь, родные, иначе вамъ
Будетъ голодно, будетъ горестно.
Такъ молились: всѣ безотвѣтные,
Только ели шуршали вѣтками
Роняя шишки надъ хворостомъ.
А когда изъ міра незримаго
Смерть дохнула въ лицо Серафимово,
Онъ прилегъ на мшистой завалинкѣ,
Яснымъ вечеромъ, въ воскресеніе,
Сквозь листву парчевую, осеннюю,
Чернѣя скуфейкой маленькой.
И такой вокругъ него радужный
Свѣтъ мерцалъ, что крестилась набожно
Тварь лѣсная въ кустахъ можжевельника,
А медвѣдь, какъ учила заповѣдь,
Прикрылъ неумѣлой лапою
Святые глаза отшельника.

3.

Въ голубомъ сіяніи мѣсяца
Изъ оврага въ шалашикъ — лѣстница,
А къ лѣстницѣ бурый медвѣдь
Приходитъ ночью сидѣть.

Чу, скрипитъ въ морозномъ валежникѣ
Тяжелая поступь медвѣжья.
Онъ реветъ и копаетъ снѣгъ:
Скоротать бы звѣриный вѣкъ.
Тишина, темнота въ шалашикѣ,
Сосульками дверь украшена,
Уголокъ подъ иконой пустъ,
На столѣ раскрытъ Златоустъ.
Качается звѣрь, не наплачется;
Покачнется — тѣнь обозначится
На порогѣ. Лежитъ пластомъ,
Въ горѣ своемъ простомъ.
— Я ли не жилъ твоими заботами,
Угощалъ медовыми сотами,
Ночью грѣлъ и въ глаза смотрѣлъ,
А ты какъ свѣча сгорѣлъ.
Я отнесъ тебя въ полночь на поле,
Я зарылъ тебя въ землю лапами.
Я медвѣдь, я только медвѣдь, —
Гдѣ мнѣ въ рай за тобой поспѣть?

1933.

⁂

Ангелъ хранитель сегодня больной.
Тихо ложится онъ рядомъ со мной,
Жалко взъерошены перышки ризъ,
Крылья съ кровати свѣсились внизъ.

Я проводилъ тебя къ краю пути,
Вотъ ты умрешь, — мнѣ другую вести.
Много я видѣлъ заплаканныхъ глазъ,
Многихъ спасая, усталъ и не спасъ...

Тихо прижались щекою къ щекѣ.
Слушаемъ, — Вѣчность плыветъ вдалекѣ,
Страшная Вѣчность вздыхаетъ едва...

Бѣдный мой ангелъ, пока я жива,
Я въ эти краткіе, грустные дни
Стану на стражѣ. А ты — отдохни.

1932.

*
* *

Гуляетъ съ зажженною свѣчкой весна,
Отъ вѣтра огонь закрывая ладонью.
Великій четвергъ... Тишина... тишина...
Послѣднихъ кадилъ благовонье.

Великій четвергъ... Я свѣчу донесу,
Я душу мою золотую спасу
Отъ чернаго вѣтра стихіи...

А въ небѣ весна разжимаетъ ладонь
И ставитъ свѣчи сбереженный огонь
Къ престолу Маріи.

1929.

*
* *

Этотъ сѣренькій день какъ пушистый звѣрекъ,
Влѣзъ погрѣться въ окно и у печки легъ,
Тронулъ бархатной лапкой мои глаза,
И растаявъ упала слеза.

Мнѣ не хочется плакать, но я стою
На опасномъ, на очень крутомъ краю...

Слишкомъ ласковъ осенній больной денекъ,
Онъ недаромъ въ окно меня подстерегъ:
Ты не хмурь, говоритъ, суроваго лба,
Все равно соскользнешь, — слаба.

1933.

СУДЬБА

Въ странѣ безъ имени, гдѣ спитъ прошедшее,
Гдѣ дни грядущіе не сочтены,
Жила таинственная сумасшедшая
Въ глухой лечебницѣ, у Сатаны.
Но въ лѣто душное ей громъ понравился,
Грозы надъ пропастью широкій гулъ,
И обезсилѣвшій, въ ту ночь не справился
Съ когтями женщины самъ Вельзевулъ.
Рѣшетка сломана въ окнѣ лечебницы,
Ночной прохладою блаженна грудь,
И ослѣпленная, она колеблется
Въ какую сторону ей выбрать путь.

Горячій вѣтеръ
Лицо обжогъ.
Ея прыжокъ
Въ пространство — свѣтелъ.
Смотрите: мчится
Больная птица
Сквозь тайну чащъ,
Сквозь долы, веси,
И хохотъ веселъ,
И вьется плащъ.

Въ какомъ то городѣ, въ какой то улицѣ,
Она спускается надъ мостовой.

Притихшій часъ
Стоялъ на стражѣ,
Боясь пробить.
Ударитъ часъ
Для насъ...
Для насъ
Завяжетъ
Нить.

Въ какомъ то городѣ, въ какой то улицѣ, —
Она — съ опущенною головой.

Я хотѣла мимо пройти,
Не задѣть ее по пути,
Но съ безумными не шути.
Съ колокольни ударилъ часъ
И меня отъ нея не спасъ.
Не отвесть изумленныхъ глазъ
Отъ ея геніальнаго лба...

И сказала она: Я — Судьба.

Въ дорогахъ страшнаго міра
Мой путь — самый дикій сонъ.
Моя Судьба — чемпіонъ
Шахматнаго турнира.
Безъ смысла летя, скользя
Въ хаосѣ шаховъ и матовъ,
Я знаю, что выйти нельзя
Изъ плѣна тупыхъ квадратовъ.
Попалась въ игру и терплю,
Чуждая смѣху и мукѣ,
Но стиснувъ зубы, люблю
Ея ледяныя руки.

Въ гримасахъ нелѣпыхъ фигуръ
Да будетъ великій сумбуръ
Прославленъ!
Я съ каждой потерей безстрашнѣй.
Король обезглавленъ,
Разрушены башни,
Высокія башни
Мои...

Я жду, затаивъ
Дыханье...

Когда ей наскучитъ играть
И мчаться по замкамъ разбитымъ,
И свѣчи начнутъ догорать
Надъ нашимъ послѣднимъ гамбитомъ,
У самаго края доски,
Усталые съузивъ зрачки,
Она въ изумленьи застынетъ,
И больно ей станетъ, и жаль,
И доску она какъ скрижаль
Ненужную вдругъ опрокинетъ.

Я жду, затаивъ
Дыханье...

1933.

ОСЕНЬ

Темный ликъ, иконъ суровѣй
        Тамъ, въ саду.
Плотно сдвинутыя брови,
Ротъ жестокій, цвѣта крови...
        — Выйди, жду... —
Плещетъ, машетъ чернымъ крепомъ:
Я дышу открытымъ склепомъ,
Я послѣднюю звѣзду
Сброшу внизъ, завью туманомъ,
Изогнусь безкровнымъ станомъ,
На поляны, на откосы
Кинусь буйнымъ ураганомъ,
Разметавъ по вѣтру косы...
Раньше выйти въ міръ безкрайный
        Не могла.
Мой дворецъ окутанъ тайной,
Я тебя, мой другъ случайный,
Стерегла.
Слышишь — дождь струится зыбкій,
        Чуть шурша...
У меня въ разбитой скрипкѣ —
        Вся душа.
Слушай струны, пой со мной,
Съ темной, мертвой и хмельной...

Взвизгнувъ, крикнула струна,
Вотъ поетъ, зоветъ она,
И срываясь, въ бѣгѣ дикомъ
Пляшутъ листья по дорогѣ,
Стонетъ лѣсъ протяжнымъ крикомъ,
Травы клонятся въ тревогѣ...
Мимо страшнаго лица,
Мимо губъ ея усталыхъ,
Мчатся, мчатся безъ конца
Водопады листьевъ алыхъ.

Надъ смеркающейся далью —
Самолеты изъ парчи.
Завиваются спиралью,
Разсыпаются смерчи.

Слушай скрипку. Пой со мной,
Съ темной, мертвой и хмельной...

Намъ просторъ привольный вѣдомъ, —
Дальше, выше, прочь изъ круга, —
И безсонницей, и бредомъ
Опьянили мы другъ друга.
Въ плескѣ, въ шелестѣ, въ хаосѣ,
Гдѣ предсмертный бьется свѣтъ,
Я лечу... За мною слѣдъ
Заметаетъ скрипкой — Осень.

1928.

Дудочка гудитъ устало.
На мосту прохладно стало.
Видишь дальнюю звѣзду?
Я умру и къ ней уйду.
Тамъ, гдѣ мѣсяцъ ходитъ кругомъ,
Буду плыть надъ соннымъ лугомъ,
Уроню въ глубокій прудъ
Лучикъ — тусклый изумрудъ.
Я березѣ серебристой
Свѣта легкое монисто
Въ кудри лунныя вплету,
И на стареньком мосту
Проведу узоры тучекъ,
А въ пруду зеленый лучикъ
Закачавшись на волнѣ,
Быль разскажетъ обо мнѣ
Тростнику, ночнымъ купавамъ,
И звѣрямъ, и Божьимъ травамъ.
На мосту, у темныхъ водъ,
Грустно дудочка поетъ.

1929.

⁂

Въ Золотомъ Рогѣ
Паруса сушили.
Въ Золотомъ Рогѣ
Плескъ воскрылій.

Надъ водой сегодня
Тысячи мотыльковъ.
Задрожали сходни
Отъ моихъ шаговъ.

Господь, ты далъ мнѣ родиться
Чтобы видѣть чужое счастье.
Паруса мои, лебеди, птицы,
Просмоленныя снасти!

Господь качающій лодку
На груди воды золотой,
Позволь мнѣ робко
Погладить ее рукой,

И быть до конца благодарной,
Утаивъ въ ладони моей
Запахъ смолы янтарной
И соль морей.

Въ Золотомъ Рогѣ
Паруса сушили,
Въ Золотомъ Рогѣ
Плескъ воскрылій.

1928.

*
* *

Всю жизнь мнѣ хочется уйти.
Куда уйти? Къ какимъ просторамъ?
По неизвѣстному пути,
Сквозь чуждый лѣсъ, по косогорамъ,
По самымъ дальнимъ берегамъ,
Гдѣ пасть скалы чернѣетъ сводомъ,
Песокъ горячій льнетъ къ ногамъ,
И пахнутъ водоросли іодомъ.
Къ снѣгамъ полярнымъ, къ тишинѣ,
Къ покою блѣдныхъ очертаній,
И стали часто сниться мнѣ
Разливы сѣверныхъ сіяній.
Когда нибудь я все раздамъ
И, подаривъ поклонъ прощальный
Спокойно прожитымъ годамъ,
Услышу зовъ дороги дальней.
Путь расчищая впереди,
Промчится вѣтеръ на откосахъ,
И я уйду, прижавъ къ груди
Давно предчувствованный посохъ.

1929.

Какъ разскажу, какъ передамъ бумагѣ
Простымъ перомъ весь хмель дорожной фляги,
Тревожный вѣтеръ, золотой закатъ,
Травъ ароматъ, и рваный плащъ бродяги,
И плескъ морей, которымъ духъ мой радъ?

Надъ желтою водой Бабъ Эль Мандеба,
Надъ Мексикой, единственное небо
Раскинулось ликующимъ шатромъ,
И съ сѣвера на югъ земля кругомъ —
Какъ отчій домъ съ амбаромъ полнымъ хлѣба.

О страшныя слова — очагъ, уютъ,
Часы въ углу, которые пробьютъ
И завтра, какъ вчера, одно и тоже!
Бѣжать отъ нихъ, пока въ крови поютъ
Всѣ звуки волнъ и предразсвѣтной дрожи!

Я, можетъ быть, не женщина, — пиратъ,
Съ тайфуномъ въ ладъ вздыхающій Синдбадъ,
О берегахъ и странахъ безъ названья?

Но лучшій сонъ мой: гибнущій фрегатъ
У острова послѣдняго желанья.

1933.

МЕКСИКА

Тамъ страшно жить. Тамъ мѣсяца осколокъ,
Рогами внизъ, стремится въ океанъ,
Тамъ кактусы — подушки для иголокъ
Гигантовъ. Тамъ и день и ночь вулканъ
Готовитъ смерть, дрожа глухою дрожью,
И демоны летятъ къ его подножью
Купаться въ лавѣ.
Какъ спасти любовь,
Какъ память уберечь отъ вихрей пепла,
Когда душа давнымъ давно ослѣпла,
И въ жилахъ стала течь иная кровь,
Отравленная дымомъ марихуаны?

Когда-то, въ прошломъ, промелькнули страны
Отрадныя, и въ сердцѣ этихъ странъ
Любовь осталась жить...
А ночь все глуше,
Въ полнеба — зарево... Дрожитъ вулканъ...

Спаси, Господь, потерянныя души.

1933.

⁂

У кого безсонница,
У кого любовница,
А кому все помнится
Боевая конница,
А у тѣхъ по комнатѣ
Мысли, что паломницы
Черныя и бѣлыя
Бродятъ до зари.
Молится
И мается
Родъ людской.

Это называется —
Ночь. Покой.

1933.

Если ночью глухою, вьюжной,
Умираетъ чужой, ненужный,
Незнакомый, отъ страшной чумы, —
Ты не бойся заразы, тьмы,
Бездны, гибели.
Выйди просто,
Помоги ему. До погоста,
Если нѣтъ родныхъ, проводи,
А потомъ сторонкой уйди,
Отъ прохожихъ лицо скрывая.
И не думай, что стоишь рая.

1932.

*
**

Я стояла на лѣстницѣ въ маленькомъ храмѣ,
Выводя на стѣнѣ позолоту крыла.
А на небѣ заря съ огневыми краями
Въ этотъ вечеръ особенно свѣтлой была.

Были образы въ сердцѣ едва уловимы,
Словно память о чемъ то угасшемъ въ вѣкахъ.
Выростали на бѣлой стѣнѣ херувимы,
Зарождались кометы въ густыхъ облакахъ.

Я была такъ слаба, такъ мала передъ ними,
И печально звучалъ мой безпомощный зовъ:
Какъ могу я создать васъ руками моими,
Голубиное небо и Богъ Саваоѳъ?

Гдѣ мнѣ взять дерзновенныя краски для славы?
Какъ зажечь у престола разливы огня?
Тихо двери раскрылись. Старикъ величавый
Подошелъ и спокойно взглянулъ на меня.

Былъ онъ въ длинной одеждѣ и темномъ беретѣ,
И душа догадалась, почувствовавъ взглядъ,
Что къ такимъ прибѣгаютъ съ улыбкою дѣти,
И святые приходятъ, и птицы летятъ.

Онъ взглянулъ на рисунокъ простой и нехитрый,
И отъ старческихъ глазъ засіяла стѣна,
Словно ангелы пѣли надъ бѣдной палитрой,
Зажигая на ней какъ лампады тона.

О побудьте со мною! Я вами крылата,
Подождите тушить этотъ сказочный свѣтъ.
Я боюсь, онъ погаснетъ, уйдя безъ возврата,
Потому что во мнѣ его нѣтъ.

Кто вы? Ликъ вашъ задумчивый важенъ и
свѣтелъ,
Отъ сѣдинъ вашихъ отблескъ какъ дымъ
голубой.

"Леонардо да Винчи", онъ тихо отвѣтилъ:
"Я останусь. Не бойся. Я буду — съ тобой".

1930.

Можетъ быть въ монастырской кельѣ,
Гдѣ лампады всю ночь горятъ,
Суждено мнѣ молитвы зелье
И бегинки скромный нарядъ,
Или вечеромъ, въ сумракъ тяжкій,
Буду красться вдоль стѣнъ тюрьмы,
Въ ярко красномъ платкѣ апашки,
Поджидая прохожихъ изъ тьмы?
Или тамъ, въ Россіи далекой,
Гдѣ въ поляхъ сверкаетъ покосъ,
Буду дѣвушкой синеокой
Съ пышной лентой въ золотѣ косъ?
Можетъ быть, я буду послѣдней
Изъ послѣднихъ рабынь земли,
И пройду, тумана безслѣдней,
Пресмыкаясь какъ червь въ пыли, —
Все равно. Только дай мнѣ, Боже,
Снова жить на этой звѣздѣ,
Снова видѣть солнечной дрожи
Золотые круги въ водѣ,
Воздухъ поля, пахнущій мятой,
Розовѣющій, смуглый востокъ,
И вотъ этотъ маленькій, смятый
Колесомъ телѣги, цвѣтокъ.

1929.

МАРІОНЕТКА

Я не вздрогну, не пожалуюсь,
Не заплачу.
Просто такъ: опущенъ занавѣсъ
Наудачу.
Чья рука меня разбила
И отставила?
Въ балаганѣ есть и было
Все безъ правила.
Вотъ и мракъ чертоги кутаетъ
Золотые.
Режиссеръ спѣшитъ и путаетъ
Не впервые.
Въ новомъ дѣйствіи появятся
На охотѣ
Королевичъ и красавица
Въ позолотѣ.
Дальній замокъ вспыхнетъ играми,
Бросятъ флаги
Надъ разрубленными тиграми
Изъ бумаги.
И цвѣтами разукрашены,
Два героя
Въѣдутъ въ замокъ семибашенный
Надъ горою.
Я одна. Кулисы черныя
Въ паутинѣ,

Гдѣ плащи мои узорные?
Вѣеръ синій?
Кто пришелъ? Кто тронулъ тѣсную
Эту дверцу?
Ахъ, въ груди пружинка треснула, —
Вѣрно — сердце?
Пусть судьба, служанка дряхлая,
Скуки ради,
Побредетъ сквозь утро чахлое
По эстрадѣ,
Чтобы тамъ усмѣшкой колкою
Разсмѣяться,
Собирая пыль метелкою
Съ декорацій.

1930.

*
* *

Дѣвочкѣ въ кимоно
Было семнадцать лѣтъ.
Гдѣ то... Давно... давно...
Въ живыхъ ея больше нѣтъ.

— Снѣгъ серебрилъ окно. —

Страшный летѣлъ драконъ
На огненомъ рукавѣ.
Бабочку видѣлъ онъ
Въ вышитой гладью травѣ.

— Все это — какъ сквозь сонъ. —

Слышится шагъ вдали:
Счастье идетъ въ ночи.
Руки, дрожа, зажгли
Блѣдный огонь свѣчи.

— Тѣни въ снѣгу легли. —

Свѣтлымъ какъ день былъ онъ.
Радостно съ нимъ вдвоемъ.
Все это — только сонъ...
Что разсказать о немъ?

— Бабочку съѣлъ драконъ.

1930.

*
* *

Окно квадратомъ врѣзанное въ небо
Бѣлѣетъ въ темнотѣ...
Ты настоящимъ въ этой жизни не былъ,
И всѣ твои слова — не тѣ.

Но я, понявъ безумные изломы
Тобой спаленныхъ дней,
Жду одного: ты скоро будешь дома
Въ душѣ моей.

Пусть очень поздно. Передъ смертью самой.
Все было. — Все прошло. —
Есть это небо за оконной рамой,
И отъ него — свѣтло.

Мое окно останется неспящимъ:
Тебѣ, тебѣ помочь!
И ты придешь. Простымъ и настоящимъ,
Забросивъ маску въ ночь.

1933.

⁂

Пойдемъ по улицѣ въ осеннiй скверъ,
Дома сутулятся и воздухъ сѣръ.
Ночь свѣтитъ окнами надъ пепломъ дней,
Мы бродимъ около чужихъ огней.
И жажды дальняго — въ душѣ прибой...
Прощай, мой маленькiй... Господь съ тобой,

Не удержу тебя, но въ эту ночь,
Въ глухую жуть ея, дай мнѣ помочь
Всему тяжелому, что плачетъ въ насъ, —
Погладить голову, коснуться глазъ,
Чтобъ завтра весело ты вышелъ въ путь...
Мой день? — Богъ вѣсть его. Меня — забудь.

1930.

*
**

Безсонница. Разсѣянность. Табакъ.
Ночь напролетъ. И завтра будетъ такъ.
Какая то ужасная напасть...
О если бы хоть нѣжность, или страсть,
Но не лежать и слушать тишину....

А кольца дыма медленно къ окну
Плывутъ, плывутъ, и вновь рисуетъ дымъ
Ненужное лицо съ вискомъ сѣдымъ.

1932.

— Мнѣ скучно, бѣсъ
— Что дѣлать, Фаустъ...

Мнѣ скучно, бѣсъ. Встаетъ разсвѣтъ
И за окномъ привычный гомонъ.
Въ немытыхъ стеклахъ день изломанъ
Надъ городомъ, гдѣ счастья нѣтъ.

Все тѣ же сѣрые дома,
Скорбь прокаженнаго квартала,
Гдѣ жила, гдѣ я устала,
Гдѣ я давно сошла съ ума.

Смотрю въ окно. На мостовой
Дождя невысохшія пятна...
И мнѣ до ужаса понятна
Одна голгоѳа: быть живой.

1932.

БУБЛИЧКИ

Насъ было четверо —
Четыре вѣтра
Со всѣхъ концовъ земли.
На плоской крышѣ
Ковры, фонарикъ,
И гдѣ то,
Надъ жертвенникомъ сумрачной горы —
Потушенная свѣчка — кипарисъ.
Первый сказалъ: Въ Испаніи
Цикады и кастаньеты,
У звѣздъ — глаза Донны Анны
И въ поцѣлуѣ — лѣто.
Второй сказалъ: Въ Абиссиніи
Мой добровольный плѣнъ.
Пронзительны ночи синія
Крикомъ гіенъ.
Третій воскликнулъ: Красенъ
Мой ротъ отъ выпитыхъ зорь.
На кубическомъ Монпарнасѣ
Безсонницей тѣшу скорбь.

Четвертая была — я,
Съ паспортомъ — Вся Земля.

Въ далекомъ небѣ
Милліоны млечныхъ путей.
Въ высокомъ небѣ —
Безъ компаса — пролетѣть...
Нашъ несказанный жребій
Въ этомъ пустынномъ небѣ.

И не Богъ, и не ночь, и не млечный путь,
И не знаю кто? — Кто нибудь...
И не свѣтъ, и не зовъ, и не срывъ въ грозу, —
Просто такъ: грамофонъ внизу:

— Купите бубលички,
Горячи бублички,
Горячи бублички
Я продаю,
И въ ночь ненастную
Меня несчастную...

Гдѣ?.. Гдѣ?.. Припомните, гдѣ такъ поютъ?..

Тамъ, на площади — огонекъ.
Тамъ, на паперти, — снѣгъ залегъ.
Тамъ — вся правда, но путь далекъ...

Въ кривой, морозной
Московской уличкѣ,
Пока не поздно
Купите бублички.

Пока не поздно.
Пока мы — живы.

1929.

*
* *

Я пришла къ неизвѣстной странѣ,
И зажглись надъ моими путями
Золотые плоды въ вышинѣ
Какъ свѣтильниковъ желтое пламя.
Я рвала золотые плоды
Съ запрещеннаго дерева знаній.
Между листьями очи звѣзды
Зеленѣли въ вечернемъ туманѣ,
Зеленѣла и пѣла рѣка
Сквозь высокія заросли мяты...
Эта роща какъ призракъ легка,
Эти травы никѣмъ не измяты.
Только странная музыка сферъ
Съ каждымъ часомъ святѣй и премудрѣй,
А подъ деревомъ спитъ Люциферъ,
Разметавъ непокорныя кудри.

1929.

ВѢДЬМА

Вѣнокъ сонетовъ.

1.

Есть въ памяти причудливый узоръ,
И голосъ прошлаго звучитъ невнятно.
Такъ на поверхность дремлющихъ озеръ
Бросаетъ мѣсяцъ призрачныя пятна,

Такъ жалуется ночью темный боръ
И облакамъ его печаль понятна,
Такъ розъ могильныхъ страненъ разговоръ
Надъ радостью уснувшей безвозвратно.

Но я хочу мой чуткій взоръ склонить
Къ рисункамъ тайнъ, гдѣ память словно нить
Уводитъ вдаль стезями вѣковыми,

И будутъ сны до боли хороши,
Возставшіе съ глухого дна души,
Вечернихъ облаковъ неуловимѣй.

2.

Вечернихъ облаковъ неуловимѣй
Изъ пропасти временъ плывутъ мечты.
Я ворожу, я упиваюсь ими,
Жизнь отошла, и стали дни пусты,

Но тѣ часы я назову моими,
Когда въ тиши ко мнѣ приходишь ты,
Забытый бредъ, съ глазами огневыми,
Въ одеждѣ изъ вечерней темноты.

И я съ необъяснимою любовью
Лелѣю въ сердцѣ вѣдьмъ средневѣковья
Остроконечный головной уборъ,

Жилища ихъ, гдѣ пріютились совы,
И въ узкое окно грозитъ суровый
На площади готическій соборъ.

3.

На площади готическій соборъ
Струитъ на плиты тѣнь летучей мыши.
Полетъ луны въ безумныхъ тучахъ скоръ,
То серебритъ, то омрачаетъ крыши,

И чудится, въ лицо глядятъ въ упоръ
Глаза святыхъ таящіеся въ нишѣ.
Но что для вѣдьмъ безмолвный ихъ укоръ?
Онѣ скользнутъ въ туманъ, видѣній тише.

Ихъ путь далекъ. Онъ уведетъ туда,
Гдѣ надъ горой дрожащая звѣзда
Рѣсницами поникла золотыми,

Роняя въ ночь алмазную слезу.
И строгая, сама земля внизу
Стоитъ на стражѣ съ мертвыми святыми.

4.

Стоитъ на стражѣ съ мертвыми святыми
Часовенъ и церквей гранитный лѣсъ,
Но дремлетъ тайна вѣчная надъ ними
Въ пустынѣ недостигнутыхъ небесъ.

Вотъ колоколъ благославленный въ Римѣ
Конецъ провозгласилъ послѣднихъ мессъ,
И первыми тѣнями голубыми
Окутанный порталъ внизу исчезъ,

Рѣзныя скрылись въ сумеркахъ ворота
И мудрыхъ дѣвъ померкла позолота
А наверху вели немолчный споръ,

Щетнились изогнутыя спины...
О чемъ рыдаетъ этотъ вой звѣриный?
Что говоритъ химеръ тревожный взоръ?

5.

Что говоритъ химеръ тревожный взоръ?
Какая боль въ немъ судорожно бьется?
О вырваться, умчаться на просторъ!
Пусть ихъ полетомъ воздухъ содрогнется,

Заблещетъ свѣтъ вставая изъ за горъ
И на луга пустынные прольется...
Тогда побѣдно взвоетъ вольный хоръ
И пасть горгоны Богу улыбнется.

Но улетѣть изъ плѣна имъ нельзя:
Соборъ сковалъ и сторожитъ, грозя
Святителями древними своими...

Послѣдній стонъ умолкъ, и въ тишинѣ
Неясный шорохъ смутно слышенъ мнѣ:
Чье шепчутъ камни призрачное имя?

6.

Чье шепчутъ камни призрачное имя?
Какихъ шаговъ на плитахъ слабый слѣдъ?
Не здѣсь ли переулками глухими
Прошелъ дозоръ, прицѣливъ арбалетъ,

И въ домикѣ съ рѣшетками рѣзными
Испуганно погасъ дрожащій свѣтъ...
Острѣе, память! Звуками ночными
Пьяна душа сквозь дымъ умершихъ лѣтъ.

Вѣдь этотъ мигъ недавній. Онъ вчерашній.
Когда ударилъ колоколъ на башнѣ, —
На двери легъ грохочущій затворъ.

Жаровня... Тѣни... Голосъ заклинаній...
Скорѣй, ко мнѣ, толпа воспоминаній! —
И вотъ, въ мечтѣ — нежданный метеоръ.

7.

И вотъ въ мечтѣ нежданный метеоръ:
Нѣтъ никого на площади безлюдной,
Закрыты ставни, спитъ зеленый дворъ...
Подходитъ мигъ торжественный и чудный.

Такъ во дворецъ крадется хищный воръ,
Прислушиваясь къ ночи безпробудной...
Насторожилась вѣдьма (до сихъ поръ
Не чуждъ мнѣ взглядъ,отъ счастья — изумрудный).

Но эта площадь! Старый этотъ домъ!
Мнѣ каждый камень горестно знакомъ
Какъ милый ликъ съ морщинами родными.

Сюда вела суровая судьба,
И много разъ у чернаго столба
Сверкнулъ костеръ въ волнующемся дымѣ.

8.

Сверкнулъ костеръ въ волнующемся дымѣ,
И ѣдко пахнетъ горькая смола.
Вотъ туча въ небѣ медленно прошла,
Заплакала слезами дождевыми,

Но женщина горитъ! Она свѣтла,
Съ губами красными, еще живыми,
И боль ея всегда моей была,
И чѣмъ старѣй, тѣмъ будетъ нестерпимѣй.

Вокругъ костра монахи грустно пѣли,
И королевскій пажъ, бродя безъ цѣли,
Влачилъ свой плащъ лазоревый въ пыли.

А надъ костромъ, заломленныя въ мукѣ,
Горя, чернѣли связанныя руки.
И я узнала: здѣсь меня сожгли.

9.

И я узнала: здѣсь меня сожгли,
За то, что я всю жизнь была крылата,
Читать умѣла письмена земли,
Изъ мудрыхъ травъ варила ароматы.

Чтобъ мой полетъ увидѣть не могли,
Качалъ туманъ серебряныя латы,
И бережно стерегъ меня вдали
Пѣтухъ зари, взывающій трикраты.

Довѣрчиво ко мнѣ ласкались звѣри;
Мои, ковромъ завѣшенныя, двери
Съ бубенчиками жабы стерегли,

И старый филинъ плакалъ отъ обиды,
Когда меня, подъ пѣнье панихиды,
Вдоль сѣрыхъ улицъ, въ рубищѣ влекли

10.

Вдоль сѣрыхъ улицъ, въ рубищѣ, влекли
На смѣхъ толпѣ и женщинамъ въ острастку.
За мной козловъ и карликовъ вели,
И прыгалъ шутъ, надѣвъ свиную маску.

У пристани тѣснились корабли,
И пальцы мачтъ чертили въ небѣ сказку:
Они гостей заморскихъ привезли,
Смотрѣть на судъ и страшную развязку.

Я палача замѣтила едва.
Въ его рукѣ — улики колдовства:
Мой амулетъ и корешокъ алоэ.

Онъ надъ толпой угрюмо ихъ простеръ,
И положилъ на вспыхнувшій костеръ
Съ веретеномъ и черною метлою.

11.

Съ веретеномъ и черною метлою
Разстаться до конца не суждено.
Взлетѣлъ огонь червонною стрѣлою
И глухо сердце падаетъ на дно.

Теперь, когда приблизилось былое,
Мнѣ памятно до ужаса одно:
Какъ надъ костромъ подернутымъ золою
Вскипаетъ кровь и пѣнится темно.

Но даже смерть моя была безслезной.
И тайну тайнъ, и радость ночи звѣздной
Я сберегла, въ тайникъ души сложивъ

Сквозь ревъ огня, въ его палящемъ танцѣ,
Сгорѣвъ до тла въ сверканьи и багрянцѣ,
И черезъ семь столѣтій вновь оживъ.

12.

И черезъ семь столѣтій вновь оживъ,
Я вижу — травы расцвѣтаютъ тѣ же,
Угадываю, слухъ настороживъ,
Какъ мѣсяцъ въ небѣ разставляетъ мрежи...

Давно глаза усталые смеживъ
Уснулъ закатъ. Огни въ домахъ все рѣже.
Но страшно мнѣ. Какъ будто сумракъ лживъ,
И пересталъ быть другомъ вѣтеръ свѣжій.

Верни мнѣ, ночь, минувшихъ новолуній
Сверканіе, полетъ и смѣхъ колдуній!
Но память угасаетъ, измѣнивъ,

Потеряно завѣщанное слово.
Нѣтъ больше чаръ... И жалобная, снова
Я здѣсь грущу, мое лицо склонивъ.

13.

Я здѣсь грущу, мое лицо склонивъ,
Безкрылою, подстрѣленною птицей,
За гранью смерти въ вѣчность обронивъ
Изъ памяти страницу за страницей.

Порывъ плечей безпомощныхъ лѣнивъ;
Не мнѣ играть съ лукавою зарницей,
Когда къ звѣздѣ, надъ сонной ширью нивъ,
Уходятъ духи свѣтлой вереницей.

Все потерявъ и вновь не обрѣтя,
Молчу въ тѣни, небрежно шелестя
Надъ вышивкой усталою иглою,

И пристально глядитъ въ окно мое
Соборной башни острое копье,
Попрежнему печальное и злое.

14.

Попрежнему печальное и злое
Стекло зеркалъ колеблетъ мой двойникъ,
Все такъ же надъ истлѣвшей каббалою
Двѣнадцатый ударъ часовъ поникъ

Боясь пробить, но пряною смолою
Не закипаетъ вѣщихъ травъ родникъ,
И съежились на старомъ аналоѣ
Страницы никому ненужныхъ книгъ.

Нѣтъ ничего... И плѣнная отнынѣ,
Чужая всѣмъ какъ пилигриммъ въ пустынѣ,
Терплю вѣковъ сметенныхъ приговоръ...

Такъ я живу, обманутой и нищей.
Но словно дымъ на темномъ пепелищѣ
Есть въ памяти причудливый узоръ.

15.

Есть въ памяти причудливый узоръ
Вечернихъ облаковъ неуловимѣй:
На площади готическій соборъ
Стоитъ на стражѣ съ мертвыми святыми.

Что говоритъ химеръ тревожный взоръ?
Чье шепчутъ камни призрачное имя?
И вотъ въ мечтѣ нежданный метеоръ —
Сверкнулъ костеръ въ волнующемся дымѣ.

И я узнала: здѣсь меня сожгли.
Вдоль сѣрыхъ улицъ въ рубищѣ влекли
Съ веретеномъ и черною метлою,

И черезъ семь столѣтій вновь оживъ,
Я здѣсь грущу, мое лицо склонивъ,
Попрежнему печальное и злое.

1933.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

ЦѢНА 12 фр.

Складъ изданія:
Книжный магазинъ Е. Сіяльской
2, rue Pierre-le-Grand, PARIS (16e)

Éditions et Imprimerie
Rapide de la Presse
E. I. R. P.
O. ZELUK
4, 5, r. Saulnier, Paris